

AB

Книги Анны Берсеновой – истории сильных чувств:

СЕРИАЛ «ГРИНЕВЫ. КАПИТАНСКИЕ ДЕТИ»

Последняя Ева
Возраст третьей любви
Неравный брак
Ловец мелкого жемчуга
Первый, случайный,
единственный

●

СЕРИАЛ «СЛАБОСТИ СИЛЬНОЙ ЖЕНЩИНЫ»

Слабости сильной женщины
Ревнивая печаль

●

СЕРИАЛ «ЕРМОЛОВЫ»

Яблоки из чужого рая
Антистерва
Мурка, Маруся Климова

●

«ПОДРУГИ С МАЛОЙ БРОННОЙ»

Уроки зависти
Опыт нелюбви
Этюды Черни

●

«ЛЮБОВНЫЙ ФАРФОР»

Звезда по имени Эстер
Красавица некстати
Азарт среднего возраста

«ТРИ ДОЧЕРИ»

Ответный темперамент
Игры сердца
Французская жена

●

Странная Лиза
Портрет второй жены

●

Стильная жизнь
Двое в Барселоне

Гадание при свечах

Флиртаника всерьез

Все страсти мегаполиса

Женщина из шелкового мира

Рената Флори

Глашенька
Вангелия

Женщины да Винчи
Вокзал Виктория
Героиня второго плана

Анна
Аверсенева

антистерва

роман

Москва
2015

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б51

Художественное оформление *П. Петрова*

Берсенева, Анна.

Б51 Антистерва : роман / Анна Берсенева. — Москва : Эксмо, 2015. — 480 с. — (Русский характер. Романы Анны Берсеновой).

ISBN 978-5-699-80851-9

Быть стервой модно. Приобрести этот привлекательный имидж мечтают и девушки, и взрослые женщины. Та, что не желает пронзть каблучками сердца богатых мужчин, вызывает в наше время недоумение. Тем более что у нее, у Лолы Ермоловой, есть все данные, чтобы добиться успеха: красива, умна, эффектна... Ради чего же она отказывается от блестящих возможностей, открывающихся перед умелой стервой, и что получит взамен?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Сотникова Т. А., 2015
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-80851-9

ЧАСТЬ I

Глава 1

Дорогу освещали только звезды.

Никакого другого света не было здесь уже давно, поэтому Лоле иногда казалось, что звезды в самом деле могут что-то освещать. Хотя по правде-то, конечно, она просто знала эту дорогу так хорошо, что могла идти по ней вообще без света и даже с закрытыми глазами. Она ходила по ней ровно двадцать семь лет.

Лола взошла на мостик, привычно прислушалась к однозвучному шуму воды в арыке, потом прошла мимо высокого Рустамова забора, так же привычно прислушалась к тому, как твердо постукивает спелая айва на свесившихся через забор ветках. Конечно, постукивание айвы ей только мерещилось — так же, как и то, что дорога освещена звездами. Ветра ведь не было, и плоды висели на ветках тяжело, неподвижно и беззвучно.

Наконец она прошла по асфальтовой дорожке между кустами ежевики и, доставая ключ, остановилась у двери своего дома. Дорога домой была благополучно пройдена, и, как всегда теперь бывало, Лола вздохнула с облегчением.

Как выяснилось, радовалась она преждевременно. Темная фигура поднялась со стоящей в ежевичной тени скамейки и медленно качнулась к ней.

— Долго домой ходишь, — услышала Лола и вздрогнула от неожиданности.

И тут же успокоилась: никакой неожиданности в появлении этого человека не было. Хотя и радости не было тоже. Но к отсутствию в своей жизни каких-либо радостей Лола давно уже привыкла.

— Опять ты меня караулишь, — вздохнула она. — Ну что тебе не спится, а?

Глаза ее настолько привыкли к темноте, что она различила, как лихорадочно сверкают глаза у ее собеседника, и ей все-таки стало не по себе. Вообще-то Мурод был незамысловат, и все, что он мог сказать и сделать, Лоле давно было известно. Но ведь кто его знает, не придет ли в затуманенную анашой голову что-нибудь новенькое.

— Тебя хочу, — незатейливо ответил он.

— Хочется, перехочется, потерпится, — усмехнулась Лола. — Иди спать, а то мать ругаться будет.

Обычно в ответ на это Мурод начинал ныть, уверяя, что ему хватит одного раза, и ничего ведь с ней не случится, если она ему даст, а он все сделает так, что она будет довольна, и пусть не обращает внимания, что он ростом невысокий, ведь член у него стоит хорошо, крепко... Мурод называл вещи своими именами с особенной отчетливостью, присущей человеку, который говорит на неродном языке.

— Да пошел ты!.. — рассердилась Лола. — Дай пройти, придурок недоделанный!

В конце концов, сколько можно выслушивать его хамские требования со снисходительным терпением! Раз не поставила его на место, другой, третий — вот он и наглет с каждым днем. Вернее, с каждым вечером, когда встречает ее у двери с одной и той же опостылевшей претензией.

Обычно Мурод тащился за нею в подъезд, повто-

ря свое дурацкое «хочу» снова и снова до тех пор, пока она не захлопывала у него перед носом дверь квартиры. Но сегодня он был настроен иначе, не зря Лоле сразу показалось, что глаза у него сверкают как-то слишком возбужденно.

— Кого недоделанный — меня недоделанный? — прошипел он и схватил Лолу за руки так крепко, что она вскрикнула. — Я тебе покажу, как обзываться, сука! Всем даешь — мне не даешь, целка себя показываешь?

В другой раз Лола, может быть, засмеялась бы над этими его словами — очень уж возмущенно он требовал ее благосклонности, как будто отстаивал свои законные права! — но сейчас ей было не до смеха. Мурод сжимал ее запястья так, что у нее чуть искры из глаз не сыпались, и в его голосе вместо обычных интонаций капризного переростка слышалась настоящая угроза. Да и похоже было, что сегодня он не обкурился, как обычно, анашой, а принял что-нибудь покрепче — героин, скорее всего.

— Мурод, я устала на работе, — стараясь, чтобы голос звучал без дрожи, сказала Лола. — Пусти, я спать пойду.

— Ты со мной спать пойдешь, — все с той же злощещей, шипящей интонацией заявил он. — Ты теперь всегда со мной будешь спать, когда я тебе скажу.

Черт его знает, что такое с ним произошло, от чего он стал таким решительным! Может, просто захотел наконец самоутвердиться, настояв на своем, и даже скорее всего именно это. Но ей-то какая разница, что с ним произошло? Вырваться бы поскорее...

— Открывай дверь! — скомандовал Мурод.

— Как же я открою? — вкрадчиво возразила Ло-

ла. — Ты меня за руки держишь, я ни ключ не могу достать, ни даже в подъезд войти. Отпусти, Мурод, я ключ достану...

Лола надеялась, что, как только он ее отпустит, она успеет заскочить в подъезд и захлопнуть дверь. А в углу за дверью она недавно спрятала железную палку, которую можно будет вставить в дверную ручку, чтобы успеть вбежать в свою квартиру прежде, чем Мурод все-таки ворвется в подъезд.

«Опять стекла перебьет», — с мгновенной тоской подумала она, представляя себе все его действия в их унылой последовательности.

Но с разбитыми стеклами так или иначе приходилось мириться, и хорошо бы это оказалось единственной неприятностью сегодняшнего вечера.

— Думаешь, дурак, да? — хмыкнул Мурод. — Я тебя отпущу — ты опять убежишь, да? Не-ет... — протянул он с той самодовольной интонацией, которая присуща неменяемым людям, когда они восхищаются своей сообразительностью. — Ты сегодня со мной будешь спать, я сказал!

И вдруг, одной рукой по-прежнему держа Лолу за запястье, он быстро сунул другую руку в карман своих широких, поблескивающих дешевой индийской тканью штанов. Через секунду Лола почувствовала, как что-то уперлось ей в бок — остро и злобно уперлось, так что мурашки пробежали у нее по всему телу.

— Бье, бье! — подтолкнул ее Мурод. И повторил по-русски, как будто она не знала таджикского: — Пош-шла! Будешь вырываться, сразу ножиком порежу, поняла, да?

Что уж тут было непонятного! И что уж тут было удивительного? Когда-нибудь даже такое ничтожество, как Мурод, должно было сообразить, что вся ее

независимость продлится ровно до той минуты, пока ей хорошенько не пригрозят...

Стараясь двигаться как можно медленнее — хотя теперь-то уже понятно было, что чему быть, того не миновать, — Лола пошла к подъезду. Мурод тянул ее за руку и одновременно подталкивал приставленным к боку ножом, и нож был такой острый, что царапал Лоле кожу — значит, уже разрезал платье.

Она всегда знала: если произойдет что-нибудь подобное, то кричать ей не надо. То есть просто бесполезно кричать, все равно никто не бросится на помощь женщине, которая ходит вечерами по улицам одна. Но только теперь, чувствуя, как нож подгоняюще упирается ей в бок, Лола поняла это как-то... по-настоящему. Что звать некого, просить не о чем и надеяться на то, что этого все-таки не произойдет, бесполезно. Противно только было, что произойдет это именно с Муродом, которого у них в классе никто не воспринимал всерьез и про которого мама всегда говорила, что такой никчемный сын послан Хасият в наказание за склочный характер.

Но, в конце концов, какая разница, с кем это произойдет в первый раз? Мурод, по крайней мере, не убьет... А тот, кто следующим захочет предъявить на нее права, может и убить — запросто. Почему же не убить, если точно знаешь, что тебе за это ничего не будет? Все Достоевские вопросы решились быстро, просто и никаких особенных сомнений больше ни у кого не вызывали. Да и были ли они вообще когда-нибудь, эти вопросы, и сам Достоевский — был ли?.. Даже Лоле казалось теперь призрачным его существование, а Мурод, конечно, и прежде о нем не догадывался. И тот, кто будет после него следующим, наверняка не догадывается тоже.

— Ты все равно не сможешь, — сказала Лола. — Ты обкуренный, обдолбанный — у тебя не встанет.

Она сама не понимала, как вырвались у нее эти, явно для него оскорбительные, слова и, главное, зачем они вырвались! Скорее всего, это были просто остатки прежней... не роскоши, конечно, но хотя бы независимости, той самой, которой она с таким безнадежным упорством дорожила.

— Су-ука! — с присвистом завизжал Мурод. — Какой сука ты!

При этом он то ли случайно, от собственного вопля, то ли вполне сознательно дернул рукой, в которой держал нож. Лезвие скользнуло по Лолиному боку, и это было уже не зловещее покалывание, а резкая, режущая боль, от которой она вскрикнула — непроизвольно, бесцельно, забыв о том, что это совершенно бесполезно...

Что произошло сразу же после ее вскрика, Лола не поняла. Она вдруг почувствовала, что рука Мурода разжалась, потом — то есть не потом, а вот именно сразу же — что он уже не дышит жадно и тухло прямо ей в лицо, а кричит, но не рядом, а чуть в стороне и словно бы где-то внизу. Потом она услышала, как зазвенел по асфальту нож, и увидела, что Мурод тоже лежит на асфальте и снизу вверх изумленно смотрит на нее, громко и отчетливо матерясь. Еще через секунду Лола поняла, что и взгляд, и мат обращены вовсе не к ней. Стремительно обернувшись, она различила у себя за спиной еще одну фигуру — мужскую, высокую — и непроизвольно отшатнулась.

— Видишь, как ты девушку напугал, — услышала Лола. — От собственной тени шарахается.

— Это вы, что ли, моя тень? — поинтересовалась она.

Мужчина засмеялся и сказал:

— Нет, все-таки, видно, не очень-то он вас и напугал. Может, зря я ему помешал?

— Это уж вам решать, зря или не зря, — пожала плечами Лола. — Я же не знаю, зачем вы вдруг взяли ему мешать.

— Ну и характер у девушки! — снова засмеялся ее неожиданный собеседник. И тут же рявкнул: — К-куда? — Теперь Лола различала его отчетливее, поэтому заметила, что одной ногой он наступил на валяющийся на асфальте нож, а другой пнул подбирающегося к ножу Мурода. — Кинжал не надо трогать, ты с ним обращаться не умеешь, — назидательно добавил он, подбирая нож. — И вообще, вали-ка ты отсюда, как тебя — придурок недоделанный?

Он снова засмеялся. Лица его Лола разглядеть не могла — все-таки свет звезд был ведь ее выдумкой, — но смех у него был необычный. То есть, может быть, и обычный, но просто Лола давно уже не слышала такого беспечного смеха, да еще в обстоятельствах, которые явно не располагали к беспечности.

— Вали, вали, — повторил он, для верности еще раз подтолкнув ногой Мурода, который, впрочем, и так уже отползал в сторону, только что не поскуливая. — Вы в этом доме живете? — обратился этот смешливый человек к Лоле.

— А что? — настороженно переспросила она. — Собираетесь ко мне в гости?

— Ну уж! Я без приглашения в гости не хожу, — возразил он. — Я в том смысле, что про соседку вашу — не подскажете? Которая на втором этаже живет, во-он там, где форточка открыта.

— Как форточка открыта? — вздрогнула Лола. — Вот дура я!

— Почему же именно вы дура? — удивился он. — Это разве ваше окно?

— Вы почему в темноте один ходите? — вместо ответа спросила Лола. — Вас могут убить, вы разве не знаете?

— А вас не могут?

— Могут любого, — кивнула Лола. — Но военного с большим удовольствием.

Еще пока он разбирался с Муродом, она разглядела и военную форму, и шеврон погранвойск на рукаве его гимнастерки.

— Начальству моему хотите настучать? — хмыкнул он. И добавил: — Ну давайте, стучите, если вам не стыдно!

В его голосе послышались такие дворовые, такие подначивающие нотки, что Лола не выдержала и тоже засмеялась.

— Так-то лучше, — удовлетворенно заметил ночной военный. — А то кидаются на людей, как еж какой-то.

— Разве ежи на людей кидаются? — сквозь смех спросила Лола. — Вы откуда такой взялись, а?

— Меня мама учила, что с девушками на такие темы разговаривать неприлично, — важно заявил он. — Тем более с такими восточными красавицами, как вы. Или не очень-то вы восточная красавица, а? В темноте толком не разглядеть, но язычок для трепетной розы Шираза уж больно острый.

Лола хотела сказать что-нибудь ехидное по поводу того, красавица она или нет, но вместо этого сказала совсем другое... И даже не сказала, а глупо, как девчонка, закричала:

— Ой, отойди, посмотри!..

Собеседник отреагировал немедленно, хотя и совсем не так, как она призывала. Ни отойти, ни смотреть он не стал, а вместо этого сделал какое-то стремительное, хлесткое движение — то ли разворот, то ли рывок, то ли удар, то ли все это одновременно. Мурод дико заорал и снова упал на асфальт — теперь уже не упруго, как в первый раз, а глухо, как мешок.

— Как ты его разглядела? — удивленно спросил военный. — Вот непонятливый какой! Сказал же ему... Ну, пусть теперь на себя обижается.

Он произнес это сквозь зубы; Лоле показалось, что он поморщился.

— Я его не разглядела, — словно извиняясь, объяснила она. — Я просто... как-то поняла, что он хочет сделать. У меня так бывает. — И, приглядевшись, быстро спросила: — Что у вас с рукой?

— По ножуку провел, — немного смущенно ответил военный. — И ведь уже отобрал один! Он их что, мешками с собой носит?

При этих его словах Лола почувствовала, что и у нее заныл бок, разрезанный еще первым Муродовым ножом; от волнения она об этом просто забыла.

— Пойдемте, — сказала она. — Надо вашу руку пербинтовать.

— Напросился все-таки в гости, — с явно притворным раскаянием вздохнул ее хоть и непрощенный, но очень кстати появившийся защитник. — Ладно, я ненадолго, не волнуйтесь.

Присмотревшись к нему еще внимательнее, Лола поняла, что он совсем молодой — лет двадцати с небольшим, пожалуй. Просто он был высокий и широкоплечий, потому она не определила этого сразу.

— А вы его не убили? — взглянув на неподвижно лежащего Мурода, опасливо спросила она.

— Обижаете! — хмыкнул парень и деловито поинтересовался: — А что, надо было убить? Он вам вообще-то кто? Вы с ним так по-домашнему обсуждали, встанет у него или не встанет, что я и вмешиваться не хотел.

— Да никто, — сердито ответила Лола. — Придурак недоделанный, вы же, кажется, слышали. Ну, еще — бывший одноклассник.

— Ничего ему не сделается, полежит немного и очухается, — успокоил военный. — Просто болевой шок. А ночи же теплые, не замерзнет.

Железную палку в дверную ручку Лола все-таки вставила. Неизвестно ведь, как поведет себя Мурод, когда очухается. Да и без Мурода хватает тех, кого тянет на подвиги после первой же дозы анаши. Увидев, как старательно она закрепляет железку, ее спутник хмыкнул:

— Думаете, поможет?

— Навсегда нет, но на ночь, может, и поможет, — ответила Лола. — Проходите, проходите, а то кровью истечете, — добавила она.

— Да прям уж! — засмеялся он. — Тоже мне, смертельная рана. Но все равно, спасибо.

Каждый раз когда Лола входила в квартиру, еще даже до того, как включала свет — только переступала порог, только погружалась в знакомое, любимое пространство, — ее охватывало чувство защищенности и покоя. Она сознавала обманчивость этого чувства, но его убаюкивающая сладость была сильнее того, что говорил разум. А ее усталость от того, во что превратилась жизнь, была еще сильнее.

— Посидите, пожалуйста, в комнате, — сказала она, сразу проходя на кухню. — Сейчас я воду согрею, вас перевяжу, а потом поужинаем.

— За что люблю Восток, — заявил ее спутник, — так это за гостеприимство. Привели человека с улицы, как зовут, не знаете, а ужинать — пожалуйста. Матвей меня зовут, — представился он, стоя на пороге тесной кухоньки.

— А меня Лола, — не оборачиваясь, потому что зажигала конфорку под большой кастрюлей с водой и переливала часть воды в маленькую кастрюльку, чтобы поскорее согрелась, ответила она. — Сейчас я вас перевяжу, буквально через минуту.

— Я и сам могу, — сказал Матвей. — Вы мне только бинт дайте и что-нибудь вроде йода, если есть.

— Давайте руку, — велела Лола. — Сначала помоем, а потом перевяжем.

Он послушно подошел к раковине, коротко вздрогнул, когда Лола начала лить воду ему на руку — все-таки порез на ладони был довольно глубокий, — потом спросил виноватым тоном:

— Может, не надо полотенце пачкать?

— Вы бы лучше о себе подумали, а не о полотенце. — Лола обернула его руку белой льняной салфеткой. — Что начальству скажете?

— Что ежевикой укололся, — улыбнулся он. — Вон у вас ежевики сколько возле дома. Скажу, ягоды воровал.

Он был очень легкий человек, с ним было так же спокойно, как спокойно было в квартире одной, это Лола определила мгновенно. И даже еще спокойнее с ним было, чем одной, потому что спокойствие ее одиночества давно ведь было только иллюзией, а от Матвея просто физически исходила какая-то ненавязчивая уверенность, из-за которой и возникало чувство защищенности.

Впрочем, может быть, и это чувство было иллюзорным; у Лолы не было сейчас времени в этом разбираться.